

побегу дан не окружающим уродством, не грубой существенностью мира, а духовным же зовом, услышанным через «вестника», каким для Б. в юности стал Рильке. Вся эмиграция Б. оказалась путешествием Блудного сына в поисках мистического Грааля.

Тяжесть дней и легкость быстротечной жизни занесли питерского стихотворца в Соединенные Штаты, в прерии, в кукурузный Иллинойс... Память о русских селениях, «откуда жизнь ушла в города по бездорожью», сильнее среди американских кампусов. Любовь Блудного сына, свободного странника — это, говоря богословским языком, апофатическая любовь, подобная любви к России Лермонтова, Блока... Лишь в грустном и бессловесном есть отблеск истины.

Это противоречивое чувство разлито в стихах Б., идет ли в них речь о России, свободе или собственной судьбе. Выразителен в этом отношении финал самого масштабного из его произведений «Русские терцины» (1977–81): «И ежели я не увижу боле, / как говорится, до скончания дней / картофельное в мокрых комьях поле, / сарай, платформу в лужах и вокзал, — / ну, что ж, пускай. Предпочитаю волю. / Умру зато — свободным. Я сказал».

Возвращение Блудного сына — это всегда возвращение к архаике. Пусть даже милой сердцу и вызывающей самые возвышенные чувства, но — к архаике. В поэзии 1960–90-х Б. — ярчайший неoarхаист, тяжелодумный «шишковист» среди беспечных «арзамасцев». Даже его неологизмы принципиально немодернистичны, отсылают к XVIII в., все эти «градозавры», «звездоточи», «сердцекрушенья», «взгляд-огни», «звездо-боги» и «свето-вопли»... И самого бобышевского лирического героя легко представить в обличье персонажи из XVIII в., из его «Ксении Петербургской».

Изданная Б. в 2004 в Москве автобиографическая книга «Я здесь» вызвала в критике многочисленные, преимущественно негативные отзывы. Дискуссионным в книге является прежде всего изображение истории отношений автора с Иосифом Бродским.

Стихи Б. переведены на мн. яз., в первую очередь на английский.

Соч.: Зияния. Париж, 1979; Русские терцины и другие стихотворения. СПб., 1992; Полнота всего. СПб., 1992; Ахматова и эмиграция // Звезда. 1991. № 2; Метафоры-мутанты, или Memento mori // Звезда. 1992. № 3; Возвращение эмигрантского ковчега // Звезда. 1993. № 6; Муза Иваска // Звезда. 1995. № 2; Ангелы и силы. New York, 1997; Жар-Куст. Paris, 2003.

Лит.: Иваск Ю. Поэзия Дмитрия Бобышева // Вестник РХД. 1981. № 134; Крейд В. Бестиарий Д. Бобышева и М. Шемякина // Новый ж. Нью-Йорк, 1991. № 181; Яржембовский С. Поэзия как перевод // Звезда. 1993. № 11; Арьев А. Искресатель // Знамя. 1993. № 11.

А. Ю. Арьев

БОГДАНОВ Александр Александрович (настоящая фамилия Малиновский; псевдонимы Максимов, Рядовой, Вернер) [10(22).8.1873, г. Соколка Гродненской губ.— 7.4.1928, Москва] — прозаик, известен прежде всего как революционный деятель, философ, ученый.

Отец Б., А. А. Малиновский (1847–1923), был учителем-инспектором, а затем заведующим городским училищем в Туле. Мать происходила из мещан, из русской, как пишет Б., «мелкошляхетской» семьи. С 6 лет чтение стало одним из самых сильных увлечений Б. Тогда же, судя по его воспоминаниям, проснулись интерес к естественным наукам, рационализм и склонность к критике авторитетов вначале семейных, чуть позже — божественных (Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 18, 25–30).

Окончив Тульскую гимназию с золотой медалью, Б. поступил в МГУ, изучал естественные науки. За членство в Союзе совета землячеств в 1894 был арестован и выслан в Тулу. Занимался революционной деятельностью в качестве пропагандиста; продолжил

А. А. Богданов

учебу на медицинском ф-те Харьковского ун-та, окончил его в 1899.

В 1897 вышел написанный Б. **«Краткий курс экономической науки»**. Книга получила высокую оценку В. И. Ленина. В 1899 Б. опубликовал первую философскую работу **«Основные элементы исторического взгляда на природу»**. В том же году снова арестован. Полгода содержался в московской тюрьме, после чего был отправлен в Калугу, затем в Вологду, где провел 3 года. Служил врачом психиатрической лечебницы, принимал активное участие в выпуске сб. **«Очерки реалистического мировоззрения»** (1903); с 1903 редактировал ежедневный социал-демократический ж. **«Правда»**. Тогда же примкнул к большевикам. Принимал участие в подготовке вооруженного восстания 1905. На III партийном съезде в Лондоне избран в ЦК. Некоторое время близко сотрудничал с В. И. Лениным. В 1905 Б. выпустил в свет сб. **«Новый мир. (Статьи 1904–1905)»**, в основу которого были положены идея развития высшего типа личности на основе коллективного опыта человечества и мысль о создании общества, где ведущую роль играют товарищеское сотрудничество и стремление к научному познанию мира. Был лидером группы РСДРП **«Вперед»** (1909), организатором партийных школ на Капри (с 1909 по 1911) и в Болоньи (1910–11). Имел большое влияние среди социалистов, по мн. вопр. являлся антагонистом В. И. Ленина.

С 1903 по 1907 работает над своим основным философским трудом **«Эмпириомонизм»**. В нем Б. предпринял попытку создать единую систему представлений о мире с целью гармонизировать социальную практику. **«Эмпириомонизм»** подвергся жесткой критике В. И. Ленина в книге **«Материализм и эмпириокритицизм»** (1908) за следование идеям Э. Маха и Р. Авенириуса. С тех пор пути Б. и «ортодоксальных» марксистов навсегда разошлись, несмотря на все усилия Б. сохранить свое место в рядах строителей нового мира.

В 1913 выходит первая часть его соч. **«Всеобщая организационная наука (Тектология)»** (1913–22).

Во время Первой мировой войны Б. служит врачом на фронте. В 1918, порвав с политикой, посвящает себя работе в Пролеткульте, а с 1921 полностью погружается в научные исследования. Был арестован в 1923 по делу группы **«Рабочая правда»**, провел в ГПУ 5 недель. В 1924 публикует сб. **«О пролетарской культуре»**. В 1926 со-

здает первый в мире ин-т переливания крови. Погиб в результате эксперимента по обмену переливанию крови, проведенного на самом себе.

В историю лит-ры Б. вошел как руководитель и теоретик Пролеткульта, оказавшего сильнейшее идеологическое влияние на становление революционного искусства в конце 1910-х — начале 1920-х, а также как автор двух науч.-фантастических романов, дилогии **«Красная звезда»** (1907) и **«Инженер Мэнни»** (1913). Просветительская, общекультурная и лит. деятельность Б. явились непосредственным продолжением его философских и политических воззрений и не могут рассматриваться изолированно. Пафос преобразования жизни в соответствии с рано сложившимся идеалом **«жизни без смерти и страданий»** (Неизвестный Богданов. Т. 1. С. 32) Б. пытался реализовать в самых разных формах. Философия, политика, наука, искусство — в каждой из этих областей он стремился к реализации своей жизнестроительной организационной модели. Влияние Пролеткульта и синтетической личности его основателя, еретика от марксизма, отразилось в творчестве многих пролетарских поэтов и писателей, получивших доступ в сферу культуры благодаря революции. Среди них — А. К. Гастев, И. И. Садофьев, В. Т. Кириллов, А. П. Платонов и др. Эстетические лозунги, выдвигаемые Б., порой оказывались более привлекательными и выглядели более последовательными, чем программы других революционных идеологов. Несмотря на «анафему» провозглашенную Б., «ортодоксальные» марксисты впоследствии использовали в собственной политической и экономической практике ряд защищаемых им тезисов (о культурной революции, плановости и др.). Мн. работы Б. создавались с ориентацией на простого читателя и неизменно сохраняли пафос просветительства. Задаче пропаганды науч. знаний и собственной мировоззренческой системы были подчинены его науч.-популярные очерки (первый, **«Упыри»**, был опубликован в 1910). Закономерным звеном в реализации единого замысла стало использование худож. формы как мощнейшего инструмента, способного организовывать массовое сознание. По той же причине лит. произведения Б. сохраняют отчетливо выраженную политическую и философскую модальности.

Известная оценка В. И. Ленина, данная роману **«Инженер Мэнни»** (**«Тот же махизм-идеализм, спрятанный так, что ни рабочие, ни глупые редакторы в „Правде“ не поняли»** (ПСС. Т. 48. С. 161)), в первую очередь обна-

жает особенность поэтики Б.: идеологическая заданность его текстов слишком очевидна, подчиненность худож. системы нескольким внешним тезисам прочитывается без труда. С одной стороны, жанровая специфика произведений Б. находится в прямой зависимости от философских и научных устремлений. А с другой, с точки зрения эстетики и истории культуры, — сама ее возможность была обеспечена двумя факторами: восходящей к античности утопической традиции и только зародившейся науч. фантастике.

В романе «Красная звезда», первом в дилогии, и тот и другой дискурс сосуществуют как вполне автономные стиливые образования. Науч.-фантастическая составляющая при этом выполняет роль мотивационной основы, позволяющей автору обновить архаическую сюжетную схему классической утопии: герой Б. совершает путешествие не на простом корабле, а на космическом; «место-которого-нет» размещено не на острове, а на другой планете, на Марсе. Но главный, архитектурный принцип утопии — чужак, наблюдающий и описывающий идеальное общественное устройство, — Б. сохраняет. Логика повествования в романе полностью подчинена систематическому изображению идеального общества. С самого начала герой Б. становится свидетелем самоотверженной гибели одного из марсиан, жертвующего собой ради спасения товарищей. Так демонстрируется действие силы, цементирующей оптимальные отношения внутри предлагаемой модели социума. Коллективизм, отвержение любого рода индивидуализма позволяют марсианам достичь того высочайшего уровня организации, при котором каждый чувствует себя свободным и в то же время связан узами осознанной необходимости с другими членами общества. Лишенные тщеславия марсиане правильно оценивают свои возможности и, сравнивая их с природными способностями и опытом товарищей, выбирают лидера для выполнения конкретной задачи. Это позволяет исключить из социальной практики авторитарность и культ личности (Б. точно уловил тенденции, характерные уже в то время для внутрипартийной жизни РСДРП, и заранее просчитал их последствия). Коллективизм взрослых членов коммуны не является генетически заданной характеристикой. Он воспитывается. Способам воспитания Б. уделяет особое внимание. Благополучие Марса не было бы возможно без самоорганизации и плановой экономики. Огромное значение в этом отношении играет Ин-т подсчетов, непрерывно занятый прогнозированием спроса

на ту или иную продукцию. Ин-т подсчетов публикует цифры спроса, а люди, соотнося свои желания с потребностями общества, делают осознанный выбор сферы деятельности. Свою нишу в организации жизни занимает и искусство. Не обходит Б. и такую насущную для начала XX в. проблему, как свободная любовь.

Общество марсиан не является бесконфликтным, однако конфликт перенесен из социальной области в экзистенциальную и касается прежде всего проблемы смерти, которую, впрочем, Б. тоже по-своему стремится решить: преждевременная смерть человека трагична, но свободный уход человека, прожившего свою жизнь и выполнившего некую общепользную миссию до конца, по сути эвтаназия, становится одной из закономерностей худож. мира Б.

Одним из существенных качеств богдановского утопизма оказывается предельная реалистичность в оценке совр. общества, которое не способно воплотить в жизнь моделируемое коммунистическое устройство. Человек с земли, революционер, единственный из всех, кто был избран для данной цели, один из самых прогрессивно мыслящих людей, не может подняться до того уровня гуманизма, с которым ему пришлось столкнуться.

Мысль о том, что настоящая революция невозможна без коренного переворота в сознании и что этот переворот не произойдет сам собой, лишь благодаря захвату политической власти узким кругом людей, проведена в романе отчетливо.

Если роман «Красная звезда» иллюстрирует результат общественного развития, то «Инженер Мэнни» посвящен истории становления утопии. Это повествование о наиболее значимых этапах марсианского прошлого. По стилю оно в еще меньшей степени напоминает традиционный роман и в некоторых частях скорее походит на общественно-исторический трактат, написанный в манере и в терминах, свойственных социалистической лит-ре начала XX в. Собственно худож. сюжет в нем рудиментарен. Автор не уделяет должного внимания раскрытию характеров героев, не прослеживает динамику отношений между персонажами, ограничиваясь лишь указанием на события, являющиеся поворотными в их судьбе. Последние же неизменно знаменуют предстоящий перелом в ходе истории. Идеологически роман безусловно представляет альтернативу ленинскому изводу марксистского учения. Б. не отрицает, но смягчает тезис о жесточайшей классовой борьбе, в которой пролетариат должен одер-

жать победу над более консервативной частью общества. В трактовке Б. степень жестокости и количество принесенных ради победы жертв определяется не только экономическими и социальными обстоятельствами: сами климатические условия на Марсе, отличные от земных, предполагают более плавную смену формаций. В центре внимания Б. по-прежнему находится и вопрос о роли личности в истории. Несмотря на всю свою приверженность коллективизму, Б. не исключает индивидуальный гений из выстраиваемой им худож. реальности. Его герои-вожди, последовательно сменяющие друг друга от поколения к поколению, с одной стороны, связаны родственными отношениями: их гениальность наследственна, и она — дар природы. С другой — новая эпоха и новая классовая культура, а в этом смысле и классовое происхождение, накладывают отпечаток на их отношение к себе и другим людям. Первый из героев-вождей — выходец из феодальной среды, второй связан с буржуазией, наконец, третий — с пролетариатом. Важно при этом, что, несмотря на антагонизм, между носителем буржуазного сознания, инженером Мэнни, и представителем пролетариата, его сыном, возможно сотрудничество. Более того, именно осознание выполненной до конца миссии по переустройству планеты заставляет «буржуазного» героя, не противясь ходу истории, самостоятельно уйти из жизни (позже проблема эвтаназии, решаемая схожим образом, получила воплощение в рассказе Б. «Праздник бессмертия», 1914).

Своеобразным продолжением диалогии стала написанная в 1920 поэма «Марсианин, заброшенный на Землю», в основу сюжета которой положена ситуация, обратная предшествующим произведениям.

Науч.-фантастические романы Б. не были уникальным явлением в русской культуре конца XIX — начала XX вв. К этому времени фантастика Г. Уэллса и Жюль Верна успела стать ее частью. Спросом пользовалась и другая переводная лит-ра (например, Э. Беллами). Уже были написаны основные произведения К. Э. Циолковского. В начале 1910-х или несколько ранее прозвучали имена В. Чиколева, П. Инфантьева, А. Родных, М. Волохова, Н. Олигер и др. Среди значимых для истории русской лит-ры писателей той же эпохи, обращавшихся к научной фантастике, необходимо упомянуть В. Я. Брюсова, А. И. Куприна, А. Н. Толстого...

Небольшое количество написанных Б. худож. произведений не помешало его творчеству стать заметным явлением как в области

науч.-фантастической лит-ры, так и в ряду утопий и антиутопий XX в. Лишь отчасти этому способствовал авторитет Б.-философа и ученого. Закономерная для науч. фантастики эстетизация научного знания в совокупности с несомненно новой стилистикой, предложенной автором, обеспечили ему успех среди группы читателей социалистической и позитивистской ориентации. Творчество Б. представляет собой пример «аналитической» тенденции в науч. фантастике, тяготеющей к ярко выраженной двуполярной композиции: самоценное описание технических и науч. новшеств, с одной стороны, и характерное для «традиционной» лит-ры выстраивание системы образов, с другой. Несмотря на «отступничество» от марксизма книги Б. переиздавались и после революции. С завидным постоянством критики указывали на «его колебания в политической линии партии», которые «вели ко все более полному отмежеванию от революционной социал-демократии и от Ленина» (Легран Б. [Предисл.] // Богданов А. Красная звезда: роман-утопия. Л., 1929. С. 8), и в то же время подчеркивали ценность его науч. прогнозов. Некоторые из них актуальны до сих пор. Б.-романист оказал ощутимое влияние на становление советской науч. фантастики.

Соч.: Краткий курс экономической науки. М., 1897; Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб., 1899; Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. 1–3. М., 1904–06; Новый мир [Статьи 1904–05]. М., 1905; Красная звезда: утопия. СПб., 1908; Красная звезда // Русская лит. утопия. М., 1986; Культурные задачи нашего времени. М., 1911; Инженер Мэнни: фантастический роман. М., 1913; Праздник бессмертия: рассказ // Летучие альманахи. 1914. Вып. 14; Искусство и рабочий класс. М., 1918; О пролетарской культуре. 1904–1924. Л.; М., 1924; Год работы ин-та переливания крови (1926–1927). М., 1927; Всеобщая организационная наука: тектология. Изд. 3-е, перераб. и доп. Ч. 1–3. Л.; М., 1925–29.

Лит.: Луначарский А. А. Богданов. Красная звезда. Утопия // Образование. 1908. № 5; Вайнштейн И. Я. Организационная теория и диалектический материализм. М.; Л., 1927; Бритиков А. Ф. Русский советский науч.-фантастический роман. Л., 1970, С. 49–55 и др.; Белова А. А. А. Богданов. М., 1974; Kochno I. P. Die Quellen der sozialen Phantasik: Der Roman «Krasnaja zvezda» von A. Bogdanov // Wiss. Ztschr. der Friedrich-Schiller-Univ. Ges.-u. Sprachwiss. R. Jena, 1989. Jg. 38. H. 1; Труды Комиссии по науч. наследию А. А. Богданова. М., 1992; Maciejewska-Jampoziakowa A. Utopia a tragizm w powiesci Aleksandra Bogdanowa «Czerwona gwiazda» // Studia rossica posnaniensia. 1993. Z. 23; Незвестный Богданов: в 3 кн. М. 1995; Новоселов В. И. Марсиане из-под Вологды: Историко-лит. эссе об А. А. Бог-

данове (Малиновском). Вологда, 1994; Красный Гамлет: Опыт коллективного анализа творческого наследия Александра Богданова // Вестник РАН. М., 1994. Т. 64; Шенле А. «Красная звезда» А. Богданова: жанр и восприятие // Тыняновский сб. М., 1998. Вып. 10; Шушпанов А. Н. Об одном принципе романного творчества. А. А. Богданова (На материале романа-утопии «Красная звезда») // Филол. студии. Иваново. 1999. Вып. 3; Быстрова О. В. Своеобразие худож. мира А. А. Богданова // Вестник Международного ин-та А. Богданова. М., 2001; Геглов Г. Марсотопия: историко-науч. и лит. контекст романов А. А. Богданова // Вестник Международного ин-та А. Богданова. М., 2001. № 1(5); Гловели Г. Д., Синельникова Г. С. Отблески «Красной звезды» в советологии // Вестник Международного ин-та А. Богданова. М. 2002. № 1(9); Сафронов А. В. О «Празднике бессмертия» А. А. Богданова // Вестник Международного ин-та А. Богданова. М. 2002. № 1(9).

В. Ю. Вьюгин

БОГДА́НОВ Вячеслав Алексеевич [24.9.1937, д. Васильевка Мордовского р-на Тамбовской обл.— 11.7.1975, Москва] — поэт.

Родился в семье потомственных крестьян. Отец погиб на фронте под Курском в 1942. Мать одна растила троих детей. В 1953 по набору в школу ФЗО Б. уехал учиться в Челябинск. Здесь познакомился с В. Сорокиным. Вместе с ним пришел в 1957 в лит. объединение «Металлург», где встретился с поэтами М. Львовым, Л. Татьяничей, Б. Ручьевым. Б.

В. А. Богданов

проработал 15 лет на Челябинском металлургическом заводе.

Стихи начал писать еще в школе, первые публикации — в газ. «Пионерская правда», затем в 1957 в газ. «Комсомолец» и «Челябинский рабочий». С 1965 и до конца своей жизни руководил лит. объединением «Металлург». В 1966 был участником Кемеровского семинара писателей, организованного ЦК ВЛКСМ и СП России. Семинар вел поэт Вас. Федоров, который рекомендовал его в члены СП (принят в 1969). В 1970–72 учился на Высших лит. курсах, в семинаре А. Межирова. С 1972 продолжил руководство лит. объединением и был избран в редколлегия ж. «Урал».

Б. заявил о себе первой книгой **«Звон колосьев»**, изданной в Челябинске в 1964. «У Богданова остро и ярко прозвучал мотив неделимого родства деревни и города, неделимости, опирающейся на трудовые истоки, что и придает его стихам масштабность мировосприятия, исключает тематическую локальную ограниченность. Отсюда рождаются зрелые и точные строки» (Кузин Н.— С. 158).

«Я — ошпарен мартеновским зноем / И степными ветрами продут» (**«В отпуске»**). В книге «Звон колосьев» проявились многие грани таланта Б., его стержневые темы. Здесь звучат имена его учителей: «Вновь Кольцов, Есенин и Никитин / Завели со мною разговор» (**«Любимые поэты»**); «Напружинились мускулы, / Пали наземь цветы... / Вот где, душенька русская, / Упокоилась ты...», «Что ж, такое случается, / Так устроен наш свет... / Жизнь его не кончается, / Если умер поэт» (**«На Ваганьковском кладбище»**).

Естественно и трогательно-нежно звучат стихи о любви: **«Письмо к любимой»**, **«Вечером»** и др. «Не пускай в свое сердце досаду, / Пусть дороги к тебе далеки, / Ты всегда, словно тень моя рядом, / Лишь подать не сумеешь руки» (**«Письмо к любимой»**). В небольшой автобиографичной поэме **«Тропой детства»**, вошедшей в первую книгу, Б. раскрывает трагедию войны, тяжесть, опустившуюся на женские и детские плечи. Он затрагивает тему послевоенного сиротства, тему вынужденного отлучения деревенской молодежи от земли, от материнского порога: «Город, город! / Что же ты наделал? / У деревни молодость украл» (**«Васильевские вечера»**).

В 1968 в Челябинске выходит второй сб. стихов Б.— **«Голубой костер»**. Книга пронизана любовью к большой и малой Родине, к человеку, к труженнику, в неразрывной связи с голосом русской природы. Здесь печаль